

Надежда СЕРЕДИНА

г. Москва

МАДРИД, ИЛИ ТАМ, ГДЕ ЛУНА – СОЛНЦЕ

Мадридское солнце

Легла на траву. Подложила рюкзак под голову. Хорошо. От травы – свежесть утренняя, от земли – сила богатырская, от неба – свет бесконечно чистый и ясный. Ночной автобус из Барселоны в Мадрид укачал.

И когда открыла глаза – поняла, что спала. Спала по-настоящему. Десять минут? Час? В парке, под самой красивой пальмой Мадрида время остановилось.

На прекрасном, чистом, ухоженном газоне улыбающиеся люди, небо над головой светлое и чистое и радостная бодрость. Куда делась усталость?!

Вышла в центре. Из метро – в город. На станции, которая самая красивая, которую мне указала девушка.

...И вот я в мадридском треугольнике. Налево, направо и наискосок идут три дороги-улицы. Не квадрат, а треугольник начала улиц. Здесь другое измерение, углы острее.

Пошла навстречу восходящему мадридскому солнцу и пропала в этой красоте. Музей под открытым небом! Сколок другого мира, не славянского, не советского.

Мотоциклы-козлики рогатые и велосипеды-ослики ушастые на привязи цепной уткнулись в тротуары. А по тротуарам ножки в босоножках... Мужчин много. Больше, чем босоножек.

Европейцев в России ещё не так много, и они, выделяясь, запоминаются. Здесь – все европейцы. Русская я одна.

Русские интердевочки думают, что всякий итальянец или испанец неподражаем. А он просто из другого мира, нам незнакомого. Здесь каждый – иностранец. А я одна.

Гоняюсь за автобусом-миражом. Устала. Тур-автобус проезжает мимо. Зашла в кафе. Хочу пить. Говорю бармену по-английски. Бармен испанец-патриот говорит только по-испански. Если он не даст пить, я умру тут у стойки с десятками напитков. По-английски говорит один из посетителей – Игнасио. Игнасио переводит. Приносят апельсиновый сок со льдом. Жар переходит в кусочки льда и растворяется. Хорошо. Сок со льдом – это правило. Если ты хочешь без льда, то надо об этом предупредить бармена сразу. Тают льдинки, тают. Легкая музыка витает. Игнасио улыбается. Я из России. Он улыбается, оплачивает апельсиновый сок. Говорю спасибо. Он тронут моим «спасибо». Я в Мадриде могу быть только один день. О! Где ваш отель? В Барселоне. О!

Вышли. Идем, говорим по-английски. Ловим тур-автобус.

Набила себе шишку – шла за Игнасио и смотрела на мелькнувший тур-автобус. Стукнулась о вывеску головой.

Игнасио останавливает веселый солнечный туристический автобус, объясняет гиду, где мне выйти. Я хочу видеть только самые красивые места в Мадриде. Я поднимаюсь на ступеньку, на вторую... И оглядываюсь. Игнасио пишет что-то. А автобус стоит, не трогается. Игнасио протягивает лист бумаги. Лист в моей руке. Автобус стоит. Игнасио улыбается. Автобус медленно проплывает мимо кафе, где тают кусочки льда в апельсиновом соке. Игнасио машет рукой.

На открытом верхнем этаже тур-автобуса – желтые аккуратные кепочки японцев.

Читаю листочек. На листочке – цифры. Номер телефона? О! Игнасио! Тебя уже не видно из окна. Где ты, Игнасио?

Обалдела от улиц. Кружится голова от восторга! Готика! Ошалела от красоты, как от любви. Кто не был в Мадриде, тот не поверит.

Сажу на открытом верхнем этаже автобуса, пробую шишку. Шишка на шишке... Голова стала больше.

Эта езда под раскаленным небом что-то перетопила во мне. Я не желаю расставаться с этой красотой.

А вот и королевский дворец. Выхожу. Выходят японцы в желтых кепочках.

Ходила с японцами за их гидом. И понимала. Это Мадрид. Здесь понятно всё: и испанский, и английский, и французский, и итальянский, и японский... Только русский никто не знает... Увы! У русских интеллигентов денег нет. У меня тоже денег нет. Эти песеты, франки, доллары – просто фишки, которые дали мне, чтобы сыграть один раз. Я играю. Мне их не жалко: ни доллары, ни франки, ни песеты...

Как красив рельеф гор из мансарды королевской! Какая неповторимая волна линии!

Короли тысячелетиями глядели на этот рельеф гор...

Этот вид для королей!

Простому человеку здесь можно затеряться или исчезнуть.

– Я хочу экскурсию с русской группой, – говорю по-английски.

– Русских групп нет.

– Почему?

– Нет туристов из России.

– Нет? А я? – Я вообще у вас проездом. Земля – транзит! Но разве это скажешь на испанском или на английском? Катя могла говорить на другом языке только очень понятные и простые вещи. Русский язык – самый богатый язык в мире...

– Это очень мало. Очень мало.

– Я – это мало. Понимаю. Спасибо.

И с каким-то участливым пониманием испанка глядит на меня, русскую.

Что вам удобнее: быть рабом в своей стране или свободным на Западе? Ах! Говорят, и на Западе – мнимая свобода. Но мне хорошо, мне хорошо здесь и сейчас.

Шоколадная комната. Величественность и красота. Величественное без красоты уродует природу и человека. Здесь величественное не подавляет. Гобелены черешневые.

Вспомнился Петродворец... Петроград. Ленинград. Когда Сенатская площадь – это был Санкт-Петербург... Революция разрушила и дворцы, и хижины. Неблагополучная история. Как остановить разрушение? Здесь и сейчас царь царствует. Ничто не разрушается. Здесь красота вечна, как горы Пиренеи или Средиземное море.

Кто они? Испанцы, которые вернули себе короля... Которые живут в городе-лабиринте, городе-улье из старых шоколадно-кофейных сот готики. Какая продуманная красота архитектуры!

Я не могу и не хочу отсюда никуда уходить.

Это не истерика, это прочувствованная красота. Это желание жить в красоте. Это мечта.

Здесь все красиво. Все! И люди. И город. И деревья. И дома. И солнце другое. Оно белое. Без пятен и без оттенков желтизны.

Японцы из музея выходят в одинаковых зеленых и желтых сандалиях.

Мадридский двор с бронзово-пепельными львами, рыкающими водопроводным водопадом. А там, у нас – Сенатская площадь со шпилем в холодном небе Санкт-Петербурга. Идея вытянулась в Александрийский шпиль. Холодный шпиль в холодном небе. Как скромны деревца возле Сенатской площади, а перед Мадридским двором – оазис.

Шумит о гранит вода.

Солнце отражается от гравия, от гранитных банкетов, от фасадов монаршего дворца.

В небе растаяли и иссохли последние два прозрачных облачка.

Шумит мадридский водопад из трубы под ногами пепельного льва.

Веера пальм, шоколадность магнолий, плакучесть платанов. На бархатной зеленой лужайке парочка – Он и Она. Целуются бесстрастно. Он и она. Смотришь и ничего не чувствуешь. Если целуются в России, всех это будоражит, тревожит, обижает... Волнует. Все возмущаются.

Целуются лежа. Он на траве, она на нём. Нет. Перекатились. Девушка на зеленом бархате живых стебельков травы.

Обнимаются. Как дети, без стыдливости. Сумасшедшая свобода! Так естественно на траве им, что нет в этом ни неловкости, ни стыда.

От солнца пепельно-суржевые львы то ли смеются, то ли просто открыли рты подышать. Жарко.

Листья магнолии, как свечи, блестят и светятся, края побурели, запеклись на солнце. И по стволу их стекает восковая смола. А в Москве – весна. Начало июня.

Любовники на траве... Перед монаршим дворцом. Полисмен притормозил свой лимузин, игриво-строгим голосом окликнул парня. Медленно едет.

Оглянулись на полисмена, на машину. Отстранились друг от друга, но с травы не встали. Голос из машины повторился. Машина остановилась. Девушка приподнялась и села. Опять голос. Парень нехотя поднимается и встает из тени.

Все улыбаются: и полисмены, и парочка, и просто прохожие-туристы. Солнце заглянуло в

зеркало машины и уехало. Тень под пальмой осталась.

Небо пепельно-голубое, с накипью по краям горизонта. Блестящий, светящийся поток каскадом падает с домов на гравий.

А солнце в Мадриде улыбается? Да! И солнце тут улыбается.

Мужчина прячется в тени стриженной под боченок туи. В тени горячего гранита девушка опустила ноги в бассейн. Итальянка?

Вода мерцает и дрожит от света солнца. И выгорает, как лампадное масло.

Итальянка опустила изящные тонкие ступни ног цвета шоколада в мерцающую лампадную воду. Нос и лоб её тают и становятся тоньше и темнее и слегка выпятились вперед.

Листья магнолий шоколадно-глянцевые, сладко пахнет испанское лето.

Солнце не в небе – в каждом отражении: в гранитном накале, в стволах чинар, в листьях магнолий. Все живое отражает солнце. Отражает прохладная гладь воды. Отражает листва, зелено-глянцевая.

Бабочка белая, как все под солнцем. Белое-белое платьице на девочке.

– No peso...

Девочки смотрят в воду. Поднимают юбочки и идут. Черноножки, белоножки. Ищут в прохладной воде счастливые монеты удачи.

– No peso, – шоколадные ноги сверкали от капель воды.

Не забыть кинуть песету. Я ухожу, ухожу, ухожу... А хочется остаться. Вспомнился вечер в Москве. Старик в тусклом свете вечера. Он преследует меня как тень. Но здесь тень спасительна. Здесь другое солнце: свет падает с высоты, а не светит сбоку. И другая тень. Не ползет по земле, не стелется, а ложится прямо к ногам.

Где тень? Пальма... Как тонка тень от её разлапистых веток.

Я ложусь на траву. Я закрываю глаза. А в глазах белое солнце Мадрида.

Нет. Мне ничего не жаль. Ни прошлого, ни будущего. Есть только это солнце настоящего. Мне и себя не жаль.

Под белым солнцем листья дают другую тень. Спасительную. Тень, в которой можно отдохнуть. Тень, которая не омрачает. Тень как отдых. Тень, которая оберегает... Он оберегает меня? Он любит? Как ни странно, но мне порой было хорошо с ним. Зачем он хочет, чтобы я любила его? Любить – значит страдать? Охотник ищет дичь. Нашел? Если охотник отпустит выслеженного зверя – это

не охотник. Он всхлипывает, когда часто дышит. Зачем я думаю о нём? Он – это вчера. То, что было, – это уже не моё. Это ушло на суд божий. Надо отдохнуть от вчерашнего.

Я кинула три монетки, когда три девочки ушли. Мне хочется увидеть всплеск улыбки, когда они найдут.

Мадридское солнце ослепляет улыбкой, усыпляет, расслабляет.

Прибежала девочка в синем с белыми горошками платье. Взглянула. Вспорхнула. Убежала тонкими детскими босоножками. Унеслось облачком синее платье. Белые-белые горошки словно рассыпались.

Найдут? Или не найдут? Три монеты по пять пест. Если найдут сейчас. При мне. Я еще приеду в Мадрид.

Девочка шла, шла, шла... Остановилась. Взглянула на меня. И! Я спугнула её, как она спугнула селезня в черной шапочке из перьев, с зеленым шарфиком пуховым. Селезень крутит черной шапочкой, ловко ловит хлеб, распушив шарфик. Девочки стали кидать птице кукурузные палочки. Прямо в бассейн, как в корытце. Улетел селезень? Улетел от крошек. Испугался. Почему? Он всхлипывал, как ребенок. Старик-ребенок. Его жалко. Жалость убивает любовь? Он пользуется шприцем один раз в день. Жестокость соблазна. Жажда обладания. Яд в золотом перстне. Яд в шприце.

Они опять пришли. Маленькие испанские искаательницы. Белые горошки на синем. Они ищут

монеты, которые бросают туристы, чтобы вернуться. Мокрые и холодные песеты ложатся в ладони девочек.

– О! А! Эй!

Я хочу, чтобы они нашли мои монеты. И я вернусь...

Шишка на шишке. Даже мадридское солнце смеется! Голова моя, голова... Одна шишка из Москвы, другая из Мадрида. Какая больше?

Вы были в Мадриде на улице, по которой поднимается солнце?

Что вы видели? Солнце или город?

Белое солнце рождает волшебную красоту. Сказку. От красоты тоже может быть шок. Красота города! Готика! Сказки тысячи и одной ночи.

□

Надежда Митрофановна СЕРЕДИНА

Прозаик, публицист.

Окончила Воронежский государственный педагогический университет

и Высшие литературные курсы

при Московском литературном институте им. М. Горького.

Публиковалась в журналах «Москва», «Роман-газета XXI век»,

«Мир женщины», «Подъём» и др.

Автор 25 книг, среди которых «Подростки», «Тайна личной жизни»,

«Черная птица на белой сирени», «Пленницы грехопадений».

Отмечена премией журнала «Мир женщины» (2001)

за лучший рассказ, лауреат областной премии им. И. Бунина (2002),

призер 6-го Международного конкурса им. М. Волошина (2008).

Главный редактор газеты «Художественная литература и жизнь».

Член Союза писателей России.

Живет в Москве.

